

Глава 18

— Вэй Чэн! Эй, Вэй Чэн!

Ли Далан завидел братьев издалека и припустил им навстречу. Юноша крепче сжал ладошку Горшочка и ускорил шаг.

— Где же вы пропадали? — тяжело дыша, спросил Далан. — Я уже битый час вас дожидаясь, все глаза проглядел. Сегодня же у Третьего брата свадьба, пир на всё село! Отец велел мне отыскать тебя и малого, чтобы вы пришли и как следует наелись.

Вэй Чэн втайне облегчённо выдохнул. Не стоило винить его за излишнюю подозрительность: когда он был беден, то боялся за жизнь брата, а теперь, когда разбогател, страшился чужой зависти. Как говорится, не бойся вора, бойся того, кто на тебя нацелился. В их положении нужно было всегда держать ухо востро — осторожность лишней не бывает.

Он улыбнулся:

— Да мы с утра в город ходили, охапок десять хвороста за два дня навязали, вот и решили пораньше сбыть. Вы только дайте нам вещи в хижине оставить, и мы мигом придём.

Всё купленное добро до сих пор лежало в коробе, прикрытое травой.

Ли Далан махнул рукой:

— Идите, идите скорее! Смотрите, не опоздайте: как только подадут курицу да мясные шарики, ваши костлявые локти не помогут вам пробиться сквозь толпу деревенских баб!

Вэй Чэн повёл Горшочка в хижину. Волчонок, услышав шаги, лишь шевельнул ушами и остался лежать в своём логове, даже не шелохнувшись. Старший брат быстро огляделся: всё было на своих местах, точно так же, как и утром. На душе наконец стало спокойно. Времени на то, чтобы разбирать покупки, не оставалось, поэтому он первым делом выгреб заработанное серебро и протянул его малышу:

— Положи пока в свой глиняный горшочек. Вернёмся с пира — вместе пересчитаем.

— Хорошо!

Мальчик вскарабкался на кан, вытащил своё сокровище и принялся обеими пухлыми ручонками запихивать внутрь белое серебро и тёмные медяки.

Вэй Чэн вытащил из маленького короба жареную курицу и мясные лепёшки и подвесил их к тёплой стене у очага. На свадебном пиру всегда много людей, и наестся досыта вряд ли получится; они шли туда скорее ради приличия. Он знал, что Горшочек проголодается к

вечеру. Сладости и цукаты он тоже припрятал в надёжное место. В большом коробе остались только два свёртка трав и два кувшина вина — прибираться там было особо нечего.

Нести вино в руках было нельзя — это всё равно что кричать на всё село, что у них завелись деньги. Немного подумав, юноша уложил кувшины обратно в большой короб и решил нести их за спиной.

Когда они спустились к подножию горы к дому Ли, веселье уже было в самом разгаре. Праздничные столы тянулись от самого начала деревни до её окраины. Гремели барабаны и гонги, разливались трели флейт. Повсюду висели длинные гирлянды из красного шёлка, бумажные цветы и нарядные фонарики. То и дело с треском взрывались петарды, а стайки детей с весёлым криком носились между столами.

Погода как на заказ выдалась ясной и солнечной: ни ветра, ни снега. Обедать в полдень на улице было совсем не холодно.

— Брат Чэн!

Ма Доумяо, весь обсыпанный бамбуковой стружкой, подбежал к ним:

— Наконец-то вы пришли! Я уж сам хотел за вами бежать, да матушка сказала, что Далан уже отправился на гору.

У ворот кто-то зычно выкрикнул:

— Далан, живей сюда! Сваты с невестой вернулись!

Ли Далан отозвался на зов, похлопал Вэй Чэна по плечу и обернулся к Доумяо:

— Доумяо, пригляди за ними. Пусть Чэн и малыш сядут за ваш стол. А я побежал, дел невпроворот!

Вэй Чэн крепче сжал лямки короба. Он хотел было попросить Далана забрать вино сейчас, но тот уже скрылся в толпе.

— Брат Чэн, ты о чём задумался? Идём скорее, сейчас петарды жечь будут! — Доумяо потянул его за рукав.

— Ты иди, поиграй пока. Мне нужно старосте подарок передать.

— Ты и подарок принёс? — Доумяо удивлённо вытаращился на его короб. — Откуда у тебя деньги?

— Да так, безделица... Просто от чистого сердца, — уклончиво ответил Вэй Чэн.

Собеседник почесал в затылке, кивнул и посмотрел на малыша, который едва доставал Вэй Чэну до колена:

— Там у ворот такая толкотня... Может, оставишь Горшочка с моей матушкой?

Вэй Чэн хотел было отказаться, но Горшочек звонко выкрикнул:

— Хорошо!

Старший брат не на шутку удивился: обычно Горшочек ни на шаг от него не отходил, что это с ним сегодня?

— Да там и со мной не пропадёшь, я его на руках подержу, — предложил Чэн.

Мальчик поднял на него своё светлое личико:

— Горшочек... Горшочек здесь подождёт. Иди, братик.

Вэй Чэну было беспокойно, но он рассудил, что отдать подарок можно и кому-то другому из семьи Ли, не обязательно самому старосте.

— Ну хорошо. Доведу тебя до матушки Доумяо, только не вздумай убежать.

Малыш послушно обхватил брата за шею и пролепетал:

— Не буду!

Доумяо подвёл их к столу возле самых ворот усадьбы Ли. Там уже сидели несколько деревенских женщин и старух, а рядом копошились тепло укутанные младенцы. Среди них была и матушка Доумяо.

Завидев их, пара старух недовольно нахмурилась:

— Ишь ты, и Вэй Чэн припёрся... В такой великий день притащил этого замухрышку.

— И о чём только семья Ли думала? Давно пора было их взашей вытолкать!

— Сами знаете, какой сегодня день. Староста с женой — люди добрые, вот эти и пришли на дармовщинку поесть, а те и слова сказать не могут, — прошипела тётка Лю.

Это она в прошлый раз пыталась очернить Горшочка, называя его «нечистым», когда староста

хотел забрать его к себе. Матушка Доумяо терпеть её не могла, и надо же было такому случиться — им выпало сидеть за одним столом. Но женщина была не из робких: она никогда ни перед кем не пасовала и уж точно знала, что за этим столом её никто не переспорит.

Услышав перешёптывания тётки Лю и старухи Ван, она громко воскликнула:

— О, Вэй Чэн! Ли Далан только что спрашивал о тебе. Я сказала, что тебя ещё нет, так он на гору за тобой побежал. Вы разминулись, что ли?

Ма Доумяо простодушно ответил:

— Да нет, мам, это Далан его и привёл. Он ещё велел, чтобы Брат Чэн и малый с нами сидели.

— Ну, тогда пусть Далан не беспокоится! Уж я-то за ними присмотрю! — матушка Доумяо махнула рукой. — Иди сюда, Чэн, давай мне малыша.

Вэй Чэн снова с сомнением посмотрел на Горшочка:

— Точно останешься?

Мальчик взглянул на матушку Доумяо и, обхватив брата за шею, послушно кивнул.

Вэй Чэн усадил его на скамью рядом с женщиной:

— Тётушка, я пойду подарок старосте отдам. Прошу вас, приглядите за ним.

Женщина приобняла Горшочка за плечи, чтобы тот не свалился:

— Иди, иди, со мной он в полной безопасности будет.

Вэй Чэн уходил, то и дело оглядываясь. Женщины за столом переглянулись, и любопытная тётка Лю тут же пристала к ребёнку:

— Малыш, а ты знаешь, что там Вэй Чэн старосте несёт?

Горшочек опустил глаза и принялся увлечённо ковырять пальчиком край скамьи, не удостоив её даже взглядом.

Старуха Ван скривила рот:

— Да что он может нести? Слыхала я, Вэй Чэн последнее время всё хворост в лесу собирает да сухую траву. Много ли на этом медяков заработаешь?

— Какое вам дело до того, что он несёт? — оборвала её матушка Доумяо. — Это его личное

дело. Вы бы лучше о себе пеклись. Сами-то принесли по паре гнилых картофелин, а притащили с собой всё семейство, скоро, поди, и собак своих кормить приведёте. А ещё на других указываете!

Сидевшие за столом женщины прыснули со смеху. Тётка Лю и старуха Ван густо покраснели: они и впрямь привели с собой по семь-восемь человек, а кое-кто даже племянников со стороны жены не забыл.

Вскоре один из помощников зычно выкрикнул:

— Свадебные гостинцы!

Мужчины в чёрных халатах с красными поясами, сияя улыбками, начали выносить длинные подносы. Перед каждым столом они ставили по резному блюду с шестью отделениями. Там были разложены традиционные «плоды удачи»: зизифус, арахис, каштаны, грецкие орехи, фундук и цукаты.

Не успело блюдо коснуться стола, как перед глазами Горшочка всё замелькало — несколько рук одновременно рванулись к угощению. Когда он снова взглянул на тарелку, та была пуста.

— На, малыш, держи.

Матушка Доумя успела ухватить добрую горсть. Половину она спрятала за пазуху, а остальное высыпала в ладошки Горшочку. Те были такими маленькими, что ему пришлось сложить их лодочкой. Он уставился на незнакомые плоды — таких он никогда не видел. Только две сушёные дольки абрикоса показались ему знакомыми: братик сегодня купил ему целый короб таких.

Ребёнок поднял своё бледное личико и пролепетал:

— Спасибо... тётушка.

— Ох, ты ж мой золотой! — матушка Доумя растроганно погладила его по голове. — Какая прелесть!

Старуха Ван рядом недовольно хмыкнула:

— Ишь, какая шустрая.

Матушка Доумя сделала вид, что не слышит, и легонько коснулась гладкой щёчки малыша:

— Проголодался? Перекуси пока, а как гостинцы раздадут, так и основные блюда подадут.

Горшочек поджал губы и тихо спросил:

— А где... где братик?

Женщина огляделась:

— Он во двор ушёл. У семьи Ли сейчас хлопот невпроворот, пока он нужного человека найдёт — время пройдёт.

Малыш притих и больше не проронил ни слова. Цукаты в своих ладошках он тоже есть не стал — берёт.

Внук старухи Ван, сидевший у неё на коленях, быстро управился со своим угощением. Он облизнулся, оглядел стол и уставился на руки Горшочка.

— Баб, я ещё хочу абрикос!

Старуха Ван, всё ещё злясь, что матушка Доумяо оказалась быстрее неё, заворчала:

— Где я тебе их возьму? Семья Ли совсем прижимистая стала, на целый стол всего пару долек положили! Кое-кто, кто на дармовщинку пришёл, загребает полными горстями, а честным людям и не досталось!

— Баба! Хочу абрикос! Дай! — капризно заныл мальчишка.

Он начал громко плакать и тыкать пальцем в сторону Горшочка:

— Это он забрал мои абрикосы! Это он!

Крик становился всё громче, люди за соседними столами начали оборачиваться. Старуха Ван даже не пыталась его унять, а только поддакивала, ворча под нос проклятия.

Матушка Доумяо уже хотела было осадить наглую бабу, но тут Горшочек медленно выудил из своей горстки те самые две дольки абрикоса. Внук старухи Ван мгновенно замолчал; его глаза, полные слёз и слюней, жадно впились в руку малыша.

— Дай... дай мне... — всхлипнул он.

Горшочек даже не взглянул на него. Он не спеша положил одну дольку в рот, с видимым удовольствием прожевал её и, болтая ножками под столом, посмотрел на матушку Доумяо:

— Тётушка, вкусно.

Женщина едва сдержала смех и ласково потрепала его за щёку:

— Вкусно — и ешь на здоровье. Я тебе их дала, так что кушай.

— Баба-а-а! — снова заголосил внук старухи Ван.

Старуха потянулась было рукой, чтобы выхватить у Горшочка вторую дольку, но тот, словно предвидя это, быстро поднёс её к губам матушки Доумяо:

— Тётушка, кушай.

Абрикос уже коснулся её губ, и женщине ничего не оставалось, как съесть его. Она рассмеялась:

— Ох, поглядите-ка на него! Какое послушное дитя! — затем она строго посмотрела на ревущего мальчишку: — Если кто-то не умеет себя вести, я сейчас позову нашего Мясника Ма!

При упоминании свирепого Мясника Ма мальчишка мигом притих, как прибитый морозом сорняк. В этой деревне не было ребёнка, который не боялся бы грозного отца Доумяо.

В этот момент за спинами раздался оглушительный треск петард и праздничные звуки соны. Издалека показалась запряжённая волами повозка с нарядным паланкином невесты, который опустили перед самыми воротами семьи Ли.

Все женщины из-за стола повскакивали и побежали смотреть. Матушка Доумяо тоже привстала:

— Хочешь поглядеть на невесту?

Горшочек покачал головой и остался сидеть на месте.

— Буду ждать... братика.

— Ну, тогда пойдём к воротам, — предложила она. — Твой брат всё равно скоро оттуда выйдет. Идём?

Горшочек заколебался. Братик велел ему не убегать...

Он взглянул на ворота усадьбы и вдруг, просияв, спрыгнул со скамьи:

— Братик!

Вэй Чэн подхватил Горшочка за плечи:

— Ты чего так несёшься? А если бы упал?

— Братик, пойдём.

Мальчик потянул его за рукав к столу и указал на маленькую кучку сухофруктов:

— Тётушка... дала.

Матушка Доумяо высыпала Горшочку и свою долю гостинцев. Вэй Чэн, понимая ценность этого угощения, поспешил отказаться:

— Тётушка, заберите себе, отдайте Доумяо. Нам с Горшочком столько не съесть.

— Да у нас в доме этого добра навалом. Пусть ребята полакомятся.

Она ласково коснулась макушки малыша и подмигнула Чэну:

— Ох, Чэн, ну и брат у тебя! Пока тебя не было, он так извёлся, места себе не находил. — Затем в шутку добавила: — Когда жениться надумаешь, смотри, не забудь и брата к поясу подвесить, а то он без тебя и шагу не ступит.

Матушка Доумяо ушла смотреть на невесту, а Вэй Чэн убрал гостинцы в короб. Горшочек крутился рядом и всё спрашивал:

— Братик, а почему ты... так долго?

— Во дворе такая неразбериха, — пояснил юноша. — Долго не мог никого из домашних старосты найти. Едва дождался, пока жена старосты освободится.

Затем он внимательно посмотрел на малыша:

— Тётушка Доумяо говорит, ты тут волновался. Тебя кто-нибудь обидел?

— Нет, — Горшочек загадочно прищурился и, прижавшись к уху брата, прошептал: — Горшочек сам... одного мальчика до слёз довёл.

«Мальчика? Да ты и сам ещё кроха!»

Вэй Чэн едва сдержал улыбку:

— И как же ты его обидел?

Малыш огляделся по сторонам и начал показывать руками:

— Он кричал: «а-а-а», а Горшочек — вот так... и «ням-ням-ням». Он опять кричал, а Горшочек отдал тётушке... и снова «ням-ням-ням»...

Вэй Чэн всё понял: видать, какой-то сорванец пытался выклянчить у Горшочка его абрикосы.

— Всё ты правильно сделал, — одобрил он. — Я старосте подарок поднёс, а это тётушка для тебя добыла. Если не хочешь сам есть — отдай Доумяю, а потакать чужим капризам не дело.

Пока братья шептались, невесту уже увели в свадебные покои, и под грохот барабанов наконец начали подавать основные блюда. Вэй Чэн с Горшочком сели рядом с семьёй Доумяю.

Помощники один за другим выносили горячие кушанья. В эту пору во всех домах ели только картофель да капусту, так что, кроме семьи Доумяю и нескольких богачей, мало кто видел мясо на своём столе. К тому же, хоть день и был солнечным, зимний холод быстро остужал еду. Люди за столами работали ложками так быстро, что каждое новое блюдо исчезало в мгновение ока.

Юноша выбирал для Горшочка только самое горячее, но боялся давать слишком много — не ровён час, живот разболится от холодной еды. В итоге и он сам, и его брат остались почти голодными.

В середине пира к ним подошли староста с женой и их младший сын, братец Си. Супруги вежливо осведомились у гостей, нравится ли им угощение. Тётка Лю, не дожидаясь чужих слов, рассыпалась в лстивых похвалах, а под конец, облизав губы, добавила:

— Ох, и не знаю, чем вы своих свиней кормите, но мясо у вас — пальчики оближешь! Тушёная грудинка на косточке просто божественна... Не осталось ли у вас ещё хоть капельки подливки?

Мало ей было наесться до отвала, так ещё и с собой захотелось унести.

Жена старосты на мгновение изменилась в лице, глянула на мужа и, едва сдерживая раздражение, ответила:

— Кажется, что-то оставалось. Спросишь потом у старшей дочери.

Тётка Лю просияла так, будто ей ларец с золотом пообещали.

Ли Маодэ перевёл взгляд на Горшочка и слегка наклонился к нему:

— Ну как, малыш, вкусно тебе?

Малыш поднял своё личико от миски и вежливо ответил:

— Очень вкусно.

— Ешь, пока горячее. Как остынет — больше не притрагивайся. Если у вас, двоих детей, среди ночи животы прихватит, а взрослых рядом нет — беда будет.

Староста обернулся к братцу Си:

— Поди, вели положить в корзину несколько свежих блюд прямо из котла. Пусть Вэй Чэн и малый заберут с собой.

Братец Си послушно кивнул.

Перед уходом староста ничего не сказал, лишь покровительственно похлопал Вэй Чэна по плечу. Когда они скрылись из виду, гости за столом принялись шептаться: с чего бы это староста так привечает этого мальчишку и приемыша? Неужто юноша и впрямь преподнёс какой-то ценный дар?

Тётка Лю едва не лопнула от зависти: им — целый короб свежей, горячей еды, а ей пришлось за объедками кланяться!

Она желчно хмыкнула:

— Ишь ты, Чэн! С чего это староста к тебе так добр? Небось, прочит тебя в мужья своему младшему братцу Си, когда тот подрастёт?

Все знали, что жена старосты души не чаёт в своём младшем сыне и не хочет отдавать его в чужую семью.

— Тётушка, а вы не побоитесь сказать это в лицо старосте или его жене? — холодно отозвался Вэй Чэн. — Даже я, ребёнок, понимаю, что нельзя так распоряжаться чужими судьбами. Вы порочите имя девятилетнего мальчика из семьи Ли, неужели не боитесь гнева старосты?

Тётка Лю осеклась и только рот открыла:

— Я... я вовсе не...

Она затравленно оглянулась на старуху Ван:

— Да разве я что сказала? Тётушка Ван, скажите, я ведь ничего такого не имела в виду?

Старуха Ван всё ещё помнила, что тётка Лю не помогла её внуку раздобыть абрикосы, поэтому ответила уклончиво:

— Ох, ну сказала и сказала... Все свои, никто не выдаст...

Тётка Лю забегала глазами, бросила палочки и поспешно вылезла из-за стола. Вид у неё был такой, будто она немедленно отправилась просить прощения у жены старосты...

Когда пир закончился, Вэй Чэн и Горшочек вернулись домой, неся с собой корзину с угощением от семьи Ли.

Стоило им открыть дверь, как волчонок Синьэр тут же бросился к валенкам малыша. Он покусывал их и принюхивался, словно озорной ребёнок, который наконец дождался товарища по играм.

— Братик, Синьэр опять меня кусает!

Горшочек спрятался за спину Вэй Чэна, а волчонок принялся за ним охотиться. Два маленьких существа затеяли весёлую возню в тесной хижине.

Старший брат открыл корзину. В ней было два отделения: в первом — миска тушёной свинины с чёрными грибами и четыре сочных мясных тефтели. Во втором — свиные рёбрышки с картофелем, а также золотистые, хрустящие шарики из картофеля и батата.

Он оставил еду на очаге, а сам высыпал на кан гостинцы, что дала им матушка Доумяо. Очистив несколько орехов, юноша позвал:

— Горшочек, иди кушать.

Услышав зов, малыш тут же бросил игру и послушно подбежал к брату, открыв рот:

— А-а...

— Ну и лентяй! Даже руками шевелить не хочешь?

Вэй Чэн ворчал, но в его голосе слышалась нежность, когда он вложил ядро фундука в ротик ребёнка. Горшочек прожевал и довольно кивнул:

— Вкусно!

— Следующей осенью я обязательно возьму тебя в горы собирать лесные орехи, — пообещал Вэй Чэн. — Просушим их, обжарим — будешь лакомиться, когда захочется.

Он что-то вспомнил и положил брату в рот ещё один орешек:

— Горшочек, а почему ты сегодня не пошёл со мной в дом Ли?

Мальчик покачал головой и тихо ответил:

— Там были люди... они Горшочка не любят.

Он прижался к плечу брата и, поджав губы, глухо добавил:

— Если Горшочек пойдёт — они рассердятся, и братику будет плохо. — Малыш крепко обхватил Вэй Чэна за руку. — Но когда братика нет... Горшочек очень-очень по нему скучает...

Вэй Чэн на мгновение задумался. «Правда, — промелькнуло у него в голове, — я и сам не подумал. В семье Ли много народу, и не все они такие добрые, как староста или Далан... К тому же сегодня свадьба Третьего сына, наверняка наговорили бы кучу гадостей».

Он ласково погладил Горшочка по голове:

— Я тоже о тебе беспокоился. Боялся, что тебя обидят или что ты убежишь и я тебя не найду.

— Не-а, не убегу, — Горшочек набил за щёки сразу два орешка, и его лицо стало забавно округлым. — Где братик — там и Горшочек. Горшочек всегда тебя найдёт.

Старший брат не придал этим словам значения, решив, что это обычная детская болтовня.

— Ты наелся? Хочешь ещё чего-нибудь?

Ребёнок покачал головой:

— Сытый. — Он указал пальчиком на кан. — Братик, давай денежки считать!

— Ох, едва не забыл о самом важном!

Он достал глиняный горшочек и высыпал на подстилку всё его содержимое.

После прошлой продажи лягушек у них оставался один лян шестьсот шестьдесят монет. На покупку свинины у семьи Ма ушло двадцать монет, так что осталось один лян шестьсот сорок. Сегодня они выручили ещё двадцать девять лянов и девятьсот тридцать монет.

Завтрак в городе обошёлся недёшево — двадцать шесть монет. Четыре мясные лепёшки в дорогу — ещё двенадцать. Короб для Горшочка стоил две монеты. Сладости и пирожные вытянули целых восемьдесят монет. Вино для семьи Ли и жареная курица стоили вместе сто сорок пять монет. За повозку туда и обратно отдали две монеты... Итого расходы составили двести шестьдесят семь монет.

Вэй Чэн пересчитал оставшуюся медь. Вышло двадцать девять лянов и шестьсот шестьдесят три монеты. Всего же у них теперь был тридцать один лян и три сотни монет.

Немного подумав, он распорядился:

— Тридцать лянов положим в горшочек и трогать не будем. Двадцать лянов отложим на

покупку земли весной. Остальные десять оставим на праздник и на цыплят. Ещё у нас есть один лян и триста монет. Нам всё ещё нужно тёплое одеяло и масло... Ну, пока этого хватит.

Горшочек кивнул, но тут же вспомнил:

— А ещё братику нужно... абак учить.

— Да, это обязательно, — согласился Вэй Чэн. — Иначе пока я всё пересчитаю — кучу времени потрачу. А если кто обмануть захочет — и не замечу. Только вот Новый год на носу. Давай уже после праздников схожу к дяде Ци.

Малыш сладко зевнул и потёр кулачками глаза:

— Братик, Горшочек спать хочет...

— Ложись, сегодня мы очень рано встали.

Старший брат расстелил постель, помог Горшочку снять верхнюю одежду, оставив его в одной белой нижней рубашке, и легонько похлопал по круглой спинке:

— Спи, малыш.

Ребёнок уже почти провалился в сон, его длинные ресницы подрагивали, но он из последних сил указал на висящую у очага курицу:

— Братик... не забудь меня разбудить... курицу кушать...

Вэй Чэн негромко рассмеялся:

— Не забуду. Спи, как проснёшься — сразу поешь.

— А может... лучше сейчас?.. — пробормотал мальчик, закрыв глаза и сглатывая слюну.

Пока юноша раздумывал, как бы накормить спящего ребёнка куриной ножкой, послышалось мерное посапывание. Совсем выбился из сил.

Укрыв Горшочка одеялом, он принялся потихоньку прибираться. Дров в очаге оставалось немного, и он вышел во двор. За хижинной была сложена гора веток, которые он собрал за последние дни; теперь, когда у него был топор, работа спорилась куда быстрее. Нарубив дров на пару дней вперёд, он вернулся в дом.

Стоило ему подбросить охапку хвороста в печь, как в хижине стало совсем жарко. Спящий на кане ребёнок даже начал скидывать одеяло. Вэй Чэн переложил еду из корзины в свои тарелки и тщательно вымыл чужой короб талым снегом — через пару дней, когда в доме Ли станет

поспокойнее, нужно будет его вернуть.

Когда начало смеркаться, Горшочек проснулся от дурного сна. Первым делом он принялся звать брата, но, не услышав ответа, не на шутку встревожился. Кое-как сполз с кана — хоть ножки у него были короткими, после множества попыток он научился ловко спускаться, не повисая на краю. Даже не накинув меховую куртку, он в одних тапочках бросился к двери. Едва он коснулся рукой створки, та распахнулась снаружи.

Увидев Горшочка на пороге, Вэй Чэн ахнул и быстро закрыл дверь, чтобы ледяной ветер не продул разгорячённого со сна ребёнка. Он бросил дрова на пол и подхватил малыша на руки:

— Ты чего это вскочил?

У мальчика глаза были на мокром месте:

— Я... я тебя не увидел...

— Сдаётся мне, завтра снег пойдёт, вот я и решил побольше дров принести, — пояснил юноша, трогая лобик брата. Жара не было, и он успокоился. — Еда готова, будешь кушать?

— Братик... — Горшочек крепко обхватил его за шею и прошептал: — Горшочку страшно.

— Что случилось? — встревожился Вэй Чэн.

— Мне приснилось... что-то плохое.

— Что именно?

— Не помню, — Горшочек прижался к нему ещё сильнее. — Братик, не уходи от меня далеко.

— Не бойся, я рядом. — Старший брат погладил его по голове. — Давай-ка поедим.

Он не стал греть всё сразу, только разогрел грудинку с грибами. Малыш сегодня очень полюбил нежные скользкие грибы, а вот мясо ел неохотно. Вэй Чэн ловко разделил жареную курицу и протянул брату целую ножку:

— На, попробуй.

Золотистая, хрустящая кожица была необыкновенно ароматной и совсем не жирной. Мясо, пропитавшись специями, буквально таяло во рту. Горшочек осторожно откусил кусочек, прожевал и просиял:

— Вкусно!

Юноша вытер жирный подбородок брата салфеткой:

— Ешь, ешь побольше. Помнишь, я тебе говорил про куриные ножки в тот день, когда нашёл тебя? Вот они, точно такие.

Раньше в семье Вэй такие лакомые кусочки доставались только любимчикам, а теперь они с Горшочком могли позволить себе целую птицу. И им не нужно было ни перед кем заискивать или ждать чужого одобрения.

Ребёнок подхватил вторую ножку и поднёс к губам брата:

— Братик, кушай.

Дети управились с половиной курицы и миской свинины. Под конец они так объелись, что едва могли дышать. Горшочек хотел было прилечь, но Вэй Чэн заставил его подняться и сунул ему в руки волчонка:

— Не лежи, подвигайся немного, а то желудок разболится.

Пока он мыл посуду, он то и дело оборачивался. Синьэр облизывал лицо малыша, а тот, отдуваясь от сытости, даже не пытался сопротивляться, только смешно морщился. Но волчонок решил, что это такая игра, и начал тереться головой о щёку мальчика. Вскоре двое маленьких существ снова затеяли возню.

Перед сном Горшочек всё же пожаловался на тяжесть в животе. Старший брат нежно поглаживал его круглый животик, пока малыш не заснул. Он баловал его и мясом, и сладостями — ведь они так долго голодали, как он мог отказать ребёнку? Но Горшочек был ещё слишком мал, и Вэй Чэн решил, что впредь нужно быть строже с едой.

Ночь была тёмной и безветренной, снег не шёл. По горной тропе, пригибаясь, крались двое. Гоу Саньши придержал за локоть Вэй Саньяня, который широкими шагами рвался вперёд:

— Ты уверен, что у твоего племянника и впрямь есть серебро?

Вэй Саньянь холодно отозвался:

— Сегодня на свадьбе Третьего Ли я сам видел, как Вэй Чэн с коробом шёл к жене старосты. Один человек проследил за ними и сквозь щёлку в двери видел, как этот щенок вытащил два кувшина доброго вина! Вэй Чэн не из тех, кто пускает пыль в глаза, значит, деньги у него завелись! Говорят, он заложил отцовский серебряный замок... Тот замок я знаю, за него больше пяти сотен монет не дадут. Но посмотри на его новую куртку, на одежду этого мальчишки... Там серебром пахнет, не меньше пары лянов.

Гоу Саньши прошептал:

— Выходит, этот малый втихомолку разбогател?

— Не раньше и не позже, а именно как от нашей семьи ушёл. Сдаётся мне, мой старший брат перед смертью припрятал что-то в лесу...

Всей округе было известно, что охотники зарабатывают немало. В своё время Вэй Даньен только благодаря своему мастерству и поднял всю семью Вэй...

— И сколько там может быть? — Гоу Саньши засомневался. Грабить и убивать — дело опасное, можно и головы лишиться!

— Если не десять лянов, так восемь точно! — Вэй Саньнянь и сам не знал наверняка. Деньги его манили, но жажда мести была сильнее. С тех пор как он повредил спину, он возненавидел Вэй Чэна и того мальчишку. За этот месяц их семья потратила почти половину сбережений на лекарей, но спина так и не зажила. В городе говорили, что то падение во время иглоукалывания лишило его мужской силы. Глядя на то, как Лю-ши день за днём поносит его на чём свет стоит, Третий дядя готов был лопнуть от злобы. Он всегда был крепок здоровьем, как же вышло, что один удар по Вэй Чэну — и он калека? Если ему плохо — пусть и этим щенкам жизни не будет!

Гоу Саньши решился:

— Если всё выгорит...

— Заберёшь большую часть.

Вэй Саньнянь боялся, что поделщик передумает, поэтому добавил:

— Сегодня все деревенские мужики пьют у старосты. Даже если эти двое закричат — кто им поможет? Если не сейчас, то другого шанса может и не быть!

Поделщик вспомнил, что все его заработки в порту ушли на игорные дома и девок. Дома жена и дети ждут денег на мясо к празднику, а братья только и смотрят, как бы над ним посмеяться. Десяток лянов серебра — слишком большой соблазн. Гоу Саньши сжал кулак:

— По рукам! Пошли!

Они закрыли лица чёрными повязками, заткнули за пояса ножи и пошли не по тропе, а напрямик через лес, чтобы не оставить следов. Спустя полчаса они наконец оказались перед ветхой хижинкой.

Гоу Саньши достал из рукава сонное зелье. Он коснулся двери и с удивлением обнаружил, что та не заперта. Видать, детишки совсем страх потеряли. Он осторожно вдул дым внутрь хижины и, выждав немного, подал знак Вэй Саньняню. Тот, кивнув, первым вошёл в дом с ножом в руке.

Внутри было хоть глаз выколи. Гоу Саньши пытался зажечь огниво, чтобы найти деньги, как вдруг услышал два резких свиста клинка. Он вздрогнул и обернулся к Вэй Саньняню:

— Ты... ты что, уже прикончил их?..

Второй дядя не ответил. Он стоял, сжимая кулаки, и в его молчании сквозило такое потрясение, какого Гоу Саньши ещё не видел.

Тот дрожащими руками зажжёт огонёк и осветил комнату:

— А... а где они?!

Вэй Саньнянь не верил своим глазам:

— Как же так... Почему их здесь нет?!

Гоу Саньши почувал неладное:

— Неужто пронюхали? Нельзя нам здесь оставаться! Бежим!

Они бросились к выходу, но внезапно у самой двери хижины вспыхнули два ярких факела. И это точно были не дети.

— Кто здесь?!

— А ну выходи!

Гоу Саньши ахнул и, не дожидаясь подельника, первым бросился наутёк. Вэй Саньнянь, увидев, что свет факелов вот-вот осветит его лицо, в панике кинулся вслед за ним в лесную чащу.

— Воры! Смотрите, воры! — Мо-фулан, завидев убегающие тени, поднял невообразимый крик: — Лови воров! Грабят!

Вэй Чэн стоял, прижимая к себе спящего Горшочка, и в оцепенении смотрел на происходящее. Травник Ци легонько подтолкнул его в плечо:

— Скорее в дом! Проверь, всё ли на месте!

Юноша вбежал в хижину и уложил брата на кан. Зажжённый факел осветил скромное жилище: ничего не пропало, но подушка на кане была в клочья изрезана ножом, и клочья хлопка разлетелись по всей комнате. Волчонок Синъэр лежал в своём углу, погружённый в глубокий сон — видать, его опоили сонным зельем.

— Ничего не пропало? — встревоженно спросил травник.

Вэй Чэн покачал головой:

— Нет. — Он перевёл взгляд на растерзанную подушку и холодно добавил: — Нас хотели убить.

Если бы среди ночи Горшочек внезапно не проснулся с плачем, жалуясь на боль в животе, Вэй Чэн никогда не бросил бы дом незапертым, чтобы среди ночи нестись в деревню к лекарю. К счастью, он по привычке прихватил с собой короб с деньгами. Если бы они остались дома... от них бы и мокрого места не осталось.

Травник Ци сказал:

— Чэн, собирай вещи и иди к нам. Сейчас сообщим старосте, пусть мужики прочешут лес...

Но он тут же осёкся: сегодня у старосты праздник, все мужчины пьяны, вряд ли они смогут кого-то поймать. Не на это ли рассчитывали воры?

Парень почувствовал, как ладони холодеют от пережитого ужаса. Он взглянул на румяное личико спящего Горшочка — стоило им оказаться в доме лекаря, как боли в животе как не бывало, и малыш мгновенно уснул. Дядя Ци осмотрел его и сказал, что мальчик совершенно здоров. Лекарь с мужем, несмотря на поздний час, не стали ворчать, а, почуяв неладное, вызвались проводить детей до дома.

— Вэй Чэн, пойдём к нам, переночуете эту ночь в безопасности, — убеждал Мо-фулан.

Он взглянул на логово Синъэра:

— Ишь ты, какую собаку завёл. Её опоили крепким зельем, видать, воры не скупались.

Юноша уложил серебро и спящего волчонка в короб. Кроме еды, в доме больше не оставалось ничего ценного. Тщательно заперев дверь, он взял на руки Горшочка и последовал за супругами в деревню.

Промучившись остаток ночи, Вэй Чэн так и не смог сомкнуть глаз. Только Горшочек спал безмятежно, разметавшись во сне, — на лбу у него выступили капельки пота. Старший брат осторожно поправил одеяло и впервые так внимательно всмотрелся в личико брата.

Всё, что случалось с ними в последнее время, было слишком похоже на череду невероятных совпадений.

Сначала он нашёл Горшочка в лесу. Напуганный заяц убежал, но в той же норе он тут же нашёл другого. Потом — семья Ван: они плохо обращались с Горшочком, и их скрутила такая боль, что они в безумии сознались во всех своих грехах. А сестрица Пин, что жалела малыша,

осталась невредимой. Потом — Вэй Саньянь. Он ударил Вэй Чэна и тут же сорвал спину так, что стал калекой. Затем Цинь-ши и богач Сун... Стоило вернуть замок, как они оставили его в покое — значит, Сун Баоэр поправился. Лекарь Чжун удивлялась «удаче его отца»: сколько людей погибло в горах от волков, а они дважды сталкивались с хищниками и выходили сухими из воды. А почему старая волчица доверила своего детёныша именно Горшочку? И сегодня... Днём Горшочек говорил, что ему страшно, а ночью случилось это...

У Вэй Чэна защипало в глазах. Он нежно коснулся спящей щеки брата.

Оказывается, всё это время Горшочек защищал его.

На следующее утро деревню Маоси всколыхнули две новости.

Первая — в деревню пробрались двое грабителей. Под покровом ночи они ворвались в хижину Вэй Чэна. Следы от ножа на подушках были такими глубокими, что всем стало ясно: воры пришли убивать.

Вторая новость — двое крепких мужчин, Вэй Саньянь и Гоу Саньши, бесследно исчезли после свадебного пира у старосты.

Родня и соседи бросились прочёсывать гору, но не прошло и половины дня, как от подножия склона донёсся истошный, леденящий душу вопль — так кричат только над покойниками.

<http://bllate.org/book/15346/1372678>